

Чжуан Чуаньсуй повернулся и распорядился слугам:

— Отведите в уездную управу.

Воры нарушили закон — пусть его дядя с ними и разбирается.

А уж кто устроил этим ворами такую ловушку, что они теперь лежат без сил, не в состоянии и пошевелиться... Да разве мог быть кто-то другой?!

Именно поэтому Чжуан Чуаньсуй испытывал к Янь Лян всё большее... почтение и опаску.

Теперь он уже и не думал о сердечных увлечениях. Хотя «отец» госпожи, казалось, и вовсе не существовал, а сама красавица, вероятно, приходилась ей сестрой, а не матерью, Чжуан Чуаньсуй не был слепцом. Он отлично замечал, как каждый раз, когда он приближался к Му Цинмянь, Янь Лян бросала на него тяжёлый, давящий взгляд.

Перед силой, чьи пределы ему даже непостижимы, Чжуан Чуаньсуй благоразумно выбрал смирение.

В общем, о Му Цинмянь лучше и не помышлять!

За дни, проведённые рядом с ней, Чжуан Чуаньсуй понял и другое: эта красавица привлекала его лишь внешним обликом. Что до характера... он всё же предпочитал девиц покладистых и понимающих.

Так что за это время его интерес к Му Цинмянь угас совершенно, и внутри и снаружи.

Через несколько дней пришёл ответ из Торгового дома Хуэйхэ. Хозяин согласился на приглашение Чжуан Чуаньсуй и предложил встретиться в уезде Хэйянь.

Чжуан Чуаньсуй немедленно передал письмо Янь Лян.

Так и договорились: встреча через три дня, в отдельном кабинете одной из таверн Хэйяня.

Назавтра предстояло увидеться с хозяином Торгового дома. Янь Лян, глядя на его письмо, слегка задумалась.

Спроси кого в прошлой жизни, кто её самый близкий друг, — она без колебаний назвала бы Дуаньму Уцзи, которого теперь искала, и его жену, хозяйку Торгового дома Хуэйхэ, Цзинь Чаньэр.

Для Янь Лян эта чета была друзьями, не раз спасавшими друг другу жизнь. Сколько раз они выручали её, сколько раз и она помогала им — и счёту не было.

Но такие счёты и не нуждались в подсчёте.

Янь Лян знала, что Дуаньму Уцзи и Цзинь Чаньэр — те, кому можно доверить душу, и этого было довольно.

Свеча на столе вдруг дрогнула.

Взгляд Янь Лян стал острым.

В тот же миг у окна её комнаты, где она жила одна, прозвучал свист рассекаемого воздуха, и

перед ней, опустившись на одно колено, возник закутанный в чёрное с головы до ног мужчина.

Янь Лян скользнула взглядом по его одеянию.

А, один из тайных агентов нового императора. Тот, едва укрепившись в Дажуне, принялся готовить свою скрытую силу. Позже Янь Лян убедилась: эти агенты были и преданы до мозга костей, и чрезвычайно искусны. Всё, что не подходило для света, новый император поручал именно им.

— Седьмая принцесса, — агент, как и ожидалось, прибыл с вестью, — господин велел передать вам...

— Лянэр?

У двери послышался голос Му Цинмянь.

Хотя в последние дни она и не жила с Янь Лян в одной комнате, множество старых ран требовало постоянного лечения, поэтому Му Цинмянь частенько навещала её. Янь Лян, конечно, никогда не отказывала.

Вот и на этот раз Му Цинмянь привычно приоткрыла дверь:

— Днём у тебя был жар. Я приготовила лекарство, выпей перед сном.

Тайные агенты, возвращённые будущим императором, и впрямь были искусны. Едва слышав шаги Му Цинмянь, тот мгновенно скрылся.

Когда Му Цинмянь вошла, она увидела лишь Янь Лян в нижнем платье, склонившуюся над столом, словно что-то изучающую.

Му Цинмянь не удивилась. Она знала: Янь Лян — не простая девочка. Будь она простой, не выжила бы после таких страшных ран, не смогла бы в одиночку скитаться посреди этой смуты.

Так что Му Цинмянь отлично понимала: спасённая ею девочка наверняка хранит тайны, о которых не может рассказать. Что ж, дело обычное. У самой Му Цинмянь тоже были свои секреты. Поставив себя на её место, она не стала бы расспрашивать Янь Лян, а постаралась бы отойти, когда та занимается своими делами.

А если, как сегодня, она случайно заставала Янь Лян за таким занятием, между ними срабатывала согласованность, словно отточенная годами. Му Цинмянь делала вид, что ничего не заметила, Янь Лян откладывала свои дела в сторону, и ни та, ни другая не заговаривала об этом.

Увидев, что Янь Лян отложила вещи со стола, Му Цинмянь подошла к ней с чашкой только что приготовленного снадобья.

Янь Лян подметила эту мелкую деталь в поведении Му Цинмянь, и в глазах её мелькнули нежность и гордость.

Её Цинмянь-цзеце и вправду была такой. Казалось холодная и неприступная, а на деле — мягкая, чистая и добрая душа.

Му Цинмянь сначала проверила пульс Янь Лян, та же, не говоря лишнего, приняла чашку, от которой исходила густая горечь:

— Потрудились, Цинмянь-цзеце!

И затем, не моргнув глазом, осушила её до дна.

Рецепт этого отвара был таков, что даже Му Цинмянь, привыкшая к лекарствам, при варке едва не задыхалась от горечи. На этот раз она специально прихватила блюдечко с засахаренными фруктами — на случай, если девочке будет невмоготу. Но Янь Лян, как и всегда, выпила всё... быстро и без тени недовольства.

Вспоминая собственные ощущения у котла, Му Цинмянь, глядя на опустевшую чашку в руках Янь Лян, невольно нахмурила брови.

Сколько же горя выпало на долю этого ребёнка, если даже такую горечь она принимает как нечто само собой разумеющееся...

Но даже если человек способен вынести много страданий, это не значит, что они проходят бесследно. Увидев, что Янь Лян поставила пустую чашку, Му Цинмянь снова протянула ей засахаренные фрукты.

Янь Лян, взглянув, тут же поняла намерения своей Цинмянь-цзеце и, улыбнувшись, с радостью, подобающей ребёнку, приняла угощение.

— Как сладко! — глаза Янь Лян заблестели. — Это ты сама приготовила?

Му Цинмянь кивнула:

— В последние дни было свободно, вот и сделала немного.

Всё, что можно вкусить, может стать лекарством. Му Цинмянь знала не только травы и снадобья в узком смысле, но и свойства почти всех съестных припасов. В свободное время приготовить цукаты или целебное кушанье для неё не составляло труда.

Янь Лян, пробуя, не скупилась на похвалы:

— У Цинмянь-цзеце золотые руки!

Порция цукатов была небольшой. Закончив, Му Цинмянь снова проверила пульс Янь Лян.

Ритм стал куда ровнее прежнего, но выражение лица Му Цинмянь после этого не облегчилось и не успокоилось. На нём читались... недоумение и тревога.

Это она заметила лишь в последний день-другой. Внутри Янь Лян, помимо многолетних застарелых ран, таилось, кажется, нечто ещё... яд?

Яд этот, судя по всему, пребывал в теле Янь Лян с самого её рождения, то есть перешёл к ней от матери ещё в утробе.

Даже при нынешнем своём искусстве Му Цинмянь смогла обнаружить его лишь после месяцев тесного общения. Можно представить, насколько он таинствен и редок. То, что Янь Лян им отравлена, скорее всего, коренилось в тёмных делах её отца.